

Х. Климм

Лечебная педагогика основанная на антропософии

ДУШЕВНЫЕ РАССТРОЙСТВА РАЗВИТИЯ КАК ВОПРОС О СУЩЕСТВЕ ЧЕЛОВЕКА

Тот факт, что раскрытие душевно-духовных способностей человека может быть затруднено, таит в себе всегда что-то загадочное. Но одно дело, когда подобное случается с человеком в ходе его жизни или только в старости. В таком случае мы видели его в здоровые времена и знаем его индивидуальность, которая теперь оказывается закрывшейся. И совсем другое - если такие затруднения встречает ребенок в начале жизни. Это еще более загадочно. Но развитие такого ребенка открыто, и нас занимают вопросы лечения и содействия этому развитию. Телесное затруднение мы можем понять. Оно ничего не меняет в нашем отношении к пораженной индивидуальности. Но как мы воспринимаем болезненно повредившееся духовно-душевное состояние? И как нам понять многообразие форм, в которых; это может проявляться? Регистрирование различных симптомов неудовлетворительное, объяснение недостаточное. Это относится не только к ординарным дефектам, с которыми мы встречаемся, но и к способностям, которые остаются для нас непонятными. Так, есть дети, которые, кажется, не способны уловить мысль, и в то же время удивляют нас в беседе меткими замечаниями. Встречается своеобразная способность к словесным ассоциациям, которой мог бы позавидовать любой комик. Проявляется феномен памяти на числа или, например, способность назвать дни недели к каждой дате. Некоторые дети неожиданно выражают наши мысли или чувственно реагируют на наши удержанные переживания. Область, которую мы рассматриваем, очень интересна и не поддается нашему рациональному опыту.

Кроме того, перед нами встает вопрос судьбы с совершенно особой стороны. Прежде всего о судьбе самого пораженного недугом человека, а затем о ее значении в связи с ближними. Мы чувствуем себя призванными не только понимать, но и помогать и лечить. Но как нам делать это правильно? Действительно ли так называемая нормализация - единственная достойная цель? Всегда ли справедливо приспособление к нашим цивилизованным условиям? Может быть, также и нездоровые гениальности, которые мы даже не всегда можем разглядеть, имеют свое право на существование и не могут быть предоставлены сами себе, но хотят, чтобы мы их приняли и посочувствовали.

В конце концов это вызвало вопросы о существовании человека. То, что в нас сегодня более чем когда-либо живет вопрос познать человека как духовное существо, обусловлено современной ситуацией. Мы живем **в пропасти** между естественно-научным материалистическим пониманием человека и одновременно все возрастающим признанием его индивидуальности, которая в последние

десятилетия все больше и больше осознается ближними в людях с духовными затруднениями. Положение действительно парадоксально: биологически мы рассматриваем духовно-душевные расстройства развития как повреждения, как нездоровые ситуации, в которых можно лишь поощрять имеющиеся остатки способностей. Но по-человечески мы еще никогда так сильно не стремились считать этих наших братьев и сестер полноценными и полноправными членами нашего общества. Еще никогда не оказывалось им так много помощи, еще никогда эти проблемы так не обсуждались общественностью. Речь идет не только о помощи и милосердном поведении, но о признании и объединении. Признание не приходит ни как что-то само собой разумеющееся, ни как логический вывод из хода времени, ни как утраченное чувство, раньше существовавшая точка зрения. В старые времена помешавшиеся не пользовались особым уважением, воспринимались скорее как фатальные явления и всегда вызывали сочувствие, которое особенно проявлялось в христианстве. Но сочувствие с надеждой на потусторонний мир - это еще не признание. Современное поведение по отношению к имеющим духовно-душевные затруднения можно понять скорее как реакцию на (материалистическое представление о человеке, как стремление к очеловечиванию нашей цивилизации, которая сама стала угрозой человечеству.

Было так естественно обратиться с затронутыми вопросами к Рудольфу Штайнеру, чтобы из его духовно-научного исследования - которое со сверхчувствительными познавательными способностями сумело всеобъемлюще изучить существо человека, насколько это вообще возможно в наше время - получить сведения и побуждения в этой области. Кто знаком с исследованием Рудольфа Штайнера, знает, что при этом могла идти речь не только об указаниях на важные глубоко скрытые основания этих форм бытия, но также о проникновении в них вплоть до отдельных мельчайших феноменов, а из этого и о возможности лечения. Так возникла лечебная педагогика на антропософской основе как поле деятельности для практического применения духовно-научных знаний.

ПЕРВЫЕ ШАГИ В РАЗВИТИИ

В последние годы своей жизни Рудольф Штайнер высказал много рекомендаций для отдельных областей знаний: педагогики, Медицины, сельского хозяйства, социальной организации и так далее. Он сделал это потому, что в его советах нуждались и люди были готовы осуществить его идеи. Вопросы лечебной педагогики были поставлены несколько позднее тремя молодыми студентами, которые работали в Трюперском молодежном санатории под Йеной. В июне 1924 года Рудольф Штайнер навестил этот приют. В это же самое время у доктора Иты Вегман в Зонненхофе ("Солнечном дворе"), флигеле в ее клинике в Арлесхайме находились на лечении несколько детей с психическими расстройствами развития. После посещения Йены Рудольф Штайнер в Дорнахе для всех участвующих в этой работе "Курс лечебной педагогики", состоящий из 12 докладов, в которых он рассказывает о детях из Лауенштайна и представляет детей из Зонненхофа.

Рудольф Штайнер имел в прошлом некоторый опыт работы в этой области, так как он, будучи домашним учителем в молодые годы, среди здоровых детей воспитывал одного отставшего гидроцефального мальчика, который к 9 годам не владел простейшими школьными навыками и которого он смог развить до уровня поступления в гимназию. Рудольф Штайнер очень часто ссылаясь на то, что это его жизненный опыт стал для него особым источником для изучения души, так как в патологической ситуации отчетливо проявляется то, что остается скрытым в здоровой. Так за "Курсом лечебной педагогики" появляются в докладах и записках многие мысли, относящиеся к лечебной педагогике.

Эти побуждения пали на плодотворную почву. В течение нескольких лет в различных странах появились многочисленные приюты. Рудольф Штайнер подключил работу с детьми, душа которых нуждается в уходе, как он их называл, к медицинской секции в Гетеануме, а после его смерти эту секцию с большим воодушевлением возглавила доктор Ита Вегман. Она заботилась о сотрудничестве лечащих педагогов с врачами, считая, что врачи должны не советовать из далека, а включиться непосредственно в работу института.

Во времена национал социализма наступили трудные дни для приютов. Большинство из них было закрыто, а сотрудники эмигрировали. Вокруг личности врача доктора Карла Кенига в Англии сплотились для совместной жизни и многие деятели в области лечебной педагогики - возникло кемпиль - движение.

После войны все меняется, наблюдается большой подъем, можно сказать второе рождение движения. Число приютов росло, многие молодые люди были воодушевлены этой работой и необходимо было создать возможности для их обучения. Антропософская лечебная педагогика была хорошо воспринята общественностью, тем более что повсюду не хватало подходящих учреждений и возможностей поддержания таких детей.

Духовно научные основы лечебной педагогики Антропософия - это не мировоззренческая надстройка в сегодняшнем смысле, которая лишь касается больших скрытых духовных оснований. Антропософия соединяет широкую перспективу с отдельными антропологическими данными и помогает проследить путь от истоков появления человека вплоть до психологических и физиологических проявлений. Мы можем для нашего рассмотрения сопоставить широкую область человекопознания, которая охватывает земную жизнь, узкую область антропологии, содержанием которой является взаимодействие и развитие духовных, душевных и телесных функций во время жизни на земле. И человекопознание, и антропология являются существенными для лечебной педагогики, при этом познание образует основу для подхода и настроения к ребенку, душа которого нуждается в уходе, и его судьбе, в то время как антропология разрабатывает диагностику различных возможных расстройств и приемлемые варианты лечебно-педагогических и иных терапевтических мер.

ЧЕЛОВЕКООПЗНАНИЕ И СУДЬБА

Основополагающим для антропософской лечебно-педагогической деятельности является точка зрения, что духовное содержание человека не заболевает, но его развитие может быть затруднено нездоровым телесным инструментом. Этот телесный "инструмент" при подобных расстройствах бывает совершенно определенным образом патологически недостаточным и поэтому создает затруднения здоровому душевному развитию. Это явление можно рассматривать как инкарнационное расстройство. В широком смысле и у так называемых здоровых людей их душевные способности ограничиваются и затрудняются телесностью. Мы знаем из своего личного опыта, как мало нам удается осуществить то, к чему мы стремимся из нашего духовного понимания. Но мы ощущаем, что свою судьбу в смысле земных возможностей мы держим в своих руках и ответственны за нее и поэтому для здоровых детей можем указать возможности развития. Но расстройства, которые не позволяют этого сделать, не означают неудавшуюся жизнь. Само собой разумеется, что для нас несчастье, когда ребенок развивается душевно нездоровым и человек не может самостоятельно руководить своей жизнью. Мы переживаем это как удар судьбы и справедливо желаем улучшения и выздоровления.

Но судьба - это не бесцельная случайность. Несмотря на все достижения нашего времени, вероятно, наше самое большое упущение в том. Сто мы не нашли плодотворного подхода к разрешению проблемы судьбы. Хотя поэты живут этой загадкой и разрабатывают ее, прощупывая и предчувствуя, но наука, пожимая плечами, относит все вопросы о судьбе к "воскресным мыслям" или к сфере верования. Во время одной земной жизни нам не ясна зависимость судьбы от заслуг и справедливости, и мы должны остерегаться подходить к ней с земными масштабами и оценками.

Со всей уместной осторожностью перед каждым встает вопрос, оставлять ли ему судьбу без ответа и встречать ее как нечто фатальное, или же он призван искать в не смысл? Мы вручены ей или же участвуем в ее формировании? Не является ли то, что нам "выпало", задачей, над которой мы должны работать и расти? Способен ли человеческий дух через односторонний и ограниченный опыт нашего времени найти подход к решению этих вопросов?

Учение о **повторяющихся земных жизнях**, которое для современного сознания может быть заново исследовано благодаря Рудольфу Штайнеру, после того, как к нему был найден подход с позиции развития человечества, проливает свет на более тесные закономерные связи, которые переплетаются в судьбе: человечество, изгнанное из рая для земного познания и направленное благодаря Христу на христианский путь, находится в своем развитии во все повторяющихся инкарнациях в сетях своей судьбы. Содействующие и препятствующие отношения между людьми ставят меняющиеся задачи, выполняя которые человечество развивается. Действует кармический закон "стечения обстоятельств" и погашения

кармы, который мы не можем понять, опираясь на принятые на земле понятия о причинно-следственных связях вины и искупления. Согласно этому закону, предыдущей жизнью формируется задача для следующей, вместе с телесной организацией и жизненным путем. Нам выпадает переживать в жизни трудные события и болезнь, которые мы справедливо пытаемся преодолеть, в высоком смысле это наша задача. Что представляло бы собой человечество с безупречным здоровьем и полным счастьем? Судьба делает жизнь самых различных людей богатой и интересной. Активная деятельность воздействует на пассивное терпение, потребность в сострадании вызывает действенную помощь. В полноценное общество входят и больные, и несовершеннолетние, а также и наши ближние, нуждающиеся в уходе за душой. То, что они кроме забот доставляют своим присутствием родителям и родственникам, еще не вполне постижимо для нашего цивилизованного восприятия.

Взаимосвязь судеб, которая может привести к инкарнационным расстройствам, мы должны представлять себе не просто как следствие каких-либо недостатков или вины, имевших место в прошлой жизни. Рудольф Штайнер на конкретных примерах мог представить, как недостатки часто нужно искать в окружении, и это делает невозможным для данной индивидуальности собрать земной опыт, который стал бы предпосылкой для построения здорового тела в последующей жизни. Нам следует считать этих людей скорее жертвами, путем пробуждения силы бескорыстия в окружающих.

ТЕЛО КАК ИНСТРУМЕНТ ДУШИ

Когда мы разбираемся в общей подоплеке земных затруднений, тогда для конкретной лечебно-педагогической работы в многообразных случаях расстройства мы нуждаемся в общих диагностических положениях, которые мы получаем из антропологических взаимосвязей. Это приводит нас к духовно-научному рассмотрению человеческой организации, которое открывает новый подход к пониманию проблем в лечебной педагогике. Как уже упоминалось выше, телесность необходимо рассматривать как инструмент, который обслуживает индивидуальность в земной жизни. Чтобы лучше понять это взаимодействие, мы должны **перевернуть** обычные представления, согласно которым сначала благодаря яйцу и эмбриону образовалась телесность и стала тем местом, на котором начали развиваться духовные и душевные способности. Такая последовательность хотя и вытекает из чувственных наблюдений, но согласно сверхчувственным силам, которые действуют в этом процессе и которые смог духовно-научно проследить Рудольф Штайнер, вначале стоят духовное зерно человеческой сущности. Оно облекается затем для новой инкарнации душевными силами, которые принадлежат собственно душевному миру и посылаются на землю как космическая Мысль, Чувства и Воля. Последние объединяются затем с жизненным и наследственным потоками до образования вещественности и создают

тело своими силами, чтобы оно могло быть инструментом для земных душевных способностей: голова для мыслей, сердце для чувств, конечности для воли.

При этом нам становится понятным, почему о антропософской антропологии речь идет о трехчленном организме с нервно-чувственной системой для мышления, ритмической системой для чувств и системой органов обмена веществ для воли.

Необходимо также различать четыре **члена существа человека** на пути к земле, что образует фундамент духовно-научных познаний: если духовная индивидуальность проявляется как наше **"Я"**, то из душевного мира образовалось **астральное тело**, из жизненного потока - собственное **эфирное тело**, а из земного потока - **физическое тело**. Из этого основного положения мы можем вынести лишь немного на наше рассмотрение и должны сослаться при этом для более детального ознакомления на обширную литературу. Для наших взаимосвязей важно, что духовность и душевность человека не прямо вытекают из жизни его тела, но находят в нем своего рода опору. Хотя тело и построено по душевным закономерностям, но его жизненные процессы должны отступить и дать место для развития сознательной душевной жизни. Подобное происходит с музыкальным инструментом, который сделан из таких материалов, как дерево, металл, струны и прочее, не имеющих отношения к музыке, но сделан по музыкальным закономерностям, и музыкант должен преодолевать собственную природу этих материалов. Как скрипач стремится преодолеть материальный характер своей скрипки, привести в действие смычок, струны, резонансные доски, чтобы они издавали в пространстве чистый звук, так и душа стремится привести в действие телесность, только происходит это не с мертвым, а с живым инструментом.

Для взаимодействия души и тела наш организм устроен полярно. Полюс головы и полюс органов обмена веществ - это две противоположные системы, которые связаны ритмической организацией. Ничего не происходит в верхней части человека, что бы не вызывало противоположного процесса в нижней и наоборот. Это можно было бы сравнить со струной и резонаторной доской, если последней отвести тоже активную роль. К нижнему полюсу относится **созидание** с жизнеобеспечивающими функциями, которые протекают ниже сознания, к головному полюсу с его бодрствованием и незначительной жизненностью - **разрушение**. В постоянной игре одного с другим соответственно силы верхнего полюса вызывают отклик в нижнем и нижнего в верхнем полюсе. Этот резонанс удерживается в равновесии ритмическими процессами в центре. Удары сердца с систолой и диастолой, вдох и выдох, бодрствование и сон свидетельствуют о постоянной смене и уравнивании.

При переходе от созидания к разрушению может развиваться наша сознательная душевная жизнь. Существенное в духовно-научном познании состоит в том, что наша душевная активность основана **на** разрушении. При этом она легко может задеть жизненные процессы и стать причиной различных болезненных возможностей, и поскольку мы существа, имеющие душу, наше здоровье не в перевесе созидания, но в развивающемся равновесии встречных тенденций.

И наконец, в нижнем полюсе человека находим мы его силы рождения, в верхнем - силы смерти, и жизнь движется попеременно от одного полюса к другому. В сказочной мудрости, в сказке о Куме Смерти мы находим такой образ: врач может лечить, пока Смерть находится в верхней, головной части, где ее еще можно предотвратить, но бессилён, когда она доберется до ног. Если люди сегодня вспоминают эту сказку, они помнят, что Смерть стоит в ногах, в то же время ожидающие выздоровления считают головную часть решающей для жизни.

Человек является существом уравновешенных воздействий и его телесное и душевное **здоровье** связано с приведением противоположных сил в равновесие. Болезни представляют собой существенные расстройства равновесия. Но так как от центра можно отходить по двум направлениям, то всегда можно найти противоположные **пары болезней**. Видение противоположно возможных заболеваний является основным положением медицины, ориентирующейся на антропософию. Мы различаем болезни с преимущественно физической или душевной ущербностью и говорим, например, о внутренних болезнях и психических заболеваниях. Согласно духовно-научным исследованиям, телесные болезни основываются преимущественно на душевных причинах и душевные имеют телесные основания. Под телесным при этом подразумевается физическое и эфирное тело. Если телесная ущербность поражает ребенка, которому еще предстоит развиваться до заверченного человека, то мы имеем дело с духовно-душевными расстройствами развития. Тело может быть недостаточно прозрачным для души, которая оказывается им слишком скована и не может свободно открываться миру.

Если расстройство незначительно, оно может быть лишь слепка выражено. Но независимо от того, легкой или тяжелой степени расстройство, оно глубоко коренящееся и может быть улучшено лишь длительным лечебно-педагогическим воздействием. Это относится и к повреждениям, вызванным бытом, которые с антропософской точки зрения не только ограничивают душевное устройство, но даже накладывают отпечаток на телесность, и прежде всего на эфирное тело, что нам еще предстоит обстоятельно исследовать. Мы имеем в виду в своих рассуждениях в основном тяжелые затруднения, но легко можно представить, что то же самое относится в принципе к более легким. Лечебная педагогика - широкое понятие, подходящее к любой степени расстройства. Но на явно выраженных примерах можно лучше ее осознать. Огромное многообразие, в котором могут болезненно проявляться душевные явления, постоянно удивляет нас. Лишь отчасти они так связаны с органическими изменениями, что при известных физических симптомах наблюдаются совершенно определенные психические расстройства (например, монголизм).

При многообразии возможных церебральных повреждений связь органических и психических симптомов еще труднее различима, и без нахождения физического заболевания психопатологические явления, которые могут проявляться в психотических или внезапно возникающих состояниях, остаются непонятными. Наконец, наши представления о расстройствах развития очень связаны с мозгом, и

это в какой-то мере справедливо, поскольку мы можем установить такие повреждения и сослаться на них, тем более, что наша нервная система, не способная к регенерации, является нашим самым чувствительным органом и нарушения остаются в клеточной структуре. Но поскольку не только голова, как мы выше описали, является основой душевной жизни, которая в ней для нас только осознается, но и весь наш организм как инструмент души полярно откликается, то любое нарушение в области головы влияет на весь организм, нарушает волевою жизнь в системе органов обмена веществ и ощущения в ритмической системе. Изобилие психопатологических заболеваний имеет свой источник не только в голове. Для лечения представляется важным получить об этом расширенные сведения.

В своем лечебно-педагогическом курсе Рудольф Штайнер с позиции совместно действующих членов человеческого существа приводит болезненные случаи и поясняет на различных расстройствах, что не только голова с нервной системой, но также и полюс обмена веществ в нижней части человека имеет важное значение. В качестве примера он противопоставляет три пары болезней как отклонения в ту или иную сторону, на чем мы в этом коротком обзоре не можем подробно останавливаться, но только упомянуть как указание на духовно-научный способ рассмотрения(1).

Он пишет, как **эпилептические явления** в конечном счете основываются на **застое** более высоких членов - Я - организации и астрального тела - в определенных органах, где их проникновение через затвердевшую вещественность физического и эфирного тел затруднено. Можно сослаться на исследования, свидетельствующие о задержке обмена веществ перед приступами. Противоположная картина этого явления объясняется возможностью "**вытекания**" более высоких членов существа из-за слишком высокой пропускной способности физически эфирного, что проявляется в формах **детской истерии**, часто связанной с недержанием мочи. - У другой пары расстройств значение обмена веществ для психических функций еще более выражено: наша возможность вспоминать связана с содержанием серы в белке. Есть дети "**серообогатенные**", которым очень трудно бывает воскресить в памяти свои представления. Слишком большое содержание серы "**всасывает**" представления и прочно удерживает их. Это приводит не к внешней, а внутренней возбужденности. У детей со слишком малым содержанием серы в белке, так называемых "**бедных серой**", представления недостаточно вырастают. Они отталкиваются и становятся навязчивыми идеями. - Третью пару образуют "**слабоумные**" и "**маниакальные**" дети, у которых общее строение членов существа либо слишком (компактно, либо слишком рыхло, что проявляется в глупости с ограниченной двигательной способностью или в возбуждении с механически повторяющимися движениями).

Кроме краткого описания отдельных расстройств, из курса можно почерпнуть и другие полезные положения: все болезненные состояния Рудольф Штайнер ведет непосредственно к терапии. Речь идет при этом о целенаправленных терапевтических мерах, часто педагогического характера, которые способны

оказывать влияние 'на болезненную односторонность путем противоположного действия. Это таким образом не гармонизирующие, а именно односторонние воздействия и не пригодны для здоровых детей. Так, например, показано, как благодаря шокирующе действующей смене темпа занятий можно укрепить вытекающее астральное тело, как длительное ритмическое повторение изречений помогает детям, которые не могут воскресить свои представления, или детям, страдающим от навязчивых идей, эти идеи "вышептать", как повлиять на чрезмерно увлекающую фантазию через драматические истории с последующим расслаблением (например, это может быть история великого героя, которого в конце делают несколько смешным), какие можно предотвратить особые формы возбуждения с помощью внешних ограничений, если это делать попеременно с освобождением и прочее. Он дает также детальные рекомендации по воздействию на обмен веществ, в первую очередь двигательнo-терапевтические, которые в разработанной им лечебной эвритмии предназначены прежде всего для трудных случаев.

Перечисленные методы обязательно дополняются гармонизирующими терапевтическими мерами, которые укрепляют лечащие силы из центра. В курсе мы находим указание на то, что почти все нарушения в развитии объясняются **слабостью эфирного тела**. Он говорит о плохом эфирном теле. Эфирное тело является тем членом существа человека, в котором содержатся лечащие силы. Поскольку Я и астральное тело могут развиваться при бодром состоянии души через процесс разрушения и питаются нашими телесными силами, ткани нашего физического тела должны оставаться жизнеспособными. Эфирное тело заботится об оживлении и восстановлении, кроме того оно стремится своими силами уравнивать болезненные процессы и даже компенсировать длительные недуги в физической организации, проявляя в этом особую активность. В детстве эти силы еще очень богаты, но с течением жизни теряются. Для нас прежде всего интересен тот факт, что даже на недостатки физического мозга в детстве можно оказывать влияние путем эфирной активизации, прежде всего путем соответствующего воспитания и упражнений в сочетании с медикаментами и другими лечебными мерами. Эту возможность мы пользуемся - даже без знаний о членах существа человека - когда мы церебрально парализованного ребенка можем сделать удивительно подвижным ранним лечением двигательной системы или когда мы путем благоразумного лечебно-педагогического воздействия с раннего детского возраста добиваемся улучшения. Но **знание** о взаимосвязях и о том, как можно существенно укрепить эфирное тело ритмическим воздействием, расширяет наши возможности лечения. К самым плодотворным познаниям, которым мы обязаны духовной науке, относится то, что существует эфирное тело, в котором лежат совершенно неожиданные возможности для лечения, если только нам удастся работать в соответствии с его сущностью.

Эфирные силы тесно связаны с **ритмической системой**, которая, будучи телесной основой для чувств, является самой внутренней областью человека и действует уравнивающе из центра благодаря своему посредничеству между головой с нервно-чувственной системой и конечностями с системой обмена веществ.

Поэтому все, что находится под воздействием **ритма**, оказывает сильное влияние на эфирное тело. Ритмы и ритмические закономерности в лечении являются основной чертой антропософских методов.

Из всего сказанного выше мы можем подчеркнуть следующее: **существенный момент лечебной педагогики на антропософской основе - это внутренняя связь с Я - существом ребенка, которое борется со своим телесным инструментом, и попечение над эфирным телом, чтобы его крепить в уравнивании телесных препятствий, причем в центре внимания стоит ритм.**

ТЕРАПЕВТИЧЕСКИЙ ОРГАНИЗМ

С предложениями Рудольфа Штайнера работают уже более 50 лет. Еще многое должно было выработаться и связываться с опытом в области лечебной педагогики и детской психиатрии. С течением времени возникла практика, которая стала характерна для антропософских учреждений. Прежде всего потребовалось соединить воспитательские, учительские, терапевтические заботы в один **лечащий организм**. Так как лечебная педагогика рассчитана на длительный период, дети не должны иметь чувство, что они находятся под постоянным наблюдением. С учетом этого найдены зарекомендовавшие себя на практике формы работы.

В каждом приюте или в каждой дневной школе должны быть согласованы между собой различные стороны лечебной педагогики: школа, терапия, жизнь в приюте в группах, которая в дневной школе протекает в семье. Это позволяет детям ощущать, что не над ними работают, а с ними, и через ритм все приводить к гармонии.

***Ритм** - важнейший элемент терапевтического организма и организации всякого лечения. Ритм - это не просто повторение, чтобы он возник, необходимо задать акцент. Метроном повторяет и задает такт, но чтобы последний стал ритмом, к нему необходимо присоединить одушевленное звучание, какое мы воспринимаем в каждом музыкальном произведении. В ритме живет напряжение и расслабление, вдох и выдох, работа и отдых. Поскольку ритмическая организация имеет исключительно важное значение, остановимся на ней подробнее.*

Основой ритмической организации является ход дня, недели, года, через которые дети проходят по ступеням развития. День для детей необходимо организовать так, чтобы после подъема и завтрака вся школа исполняла общую песню или произносила наречение, которое бы направляло взгляд в мир и заканчивалось бы просьбой дать сил и благословением на труд. За школьными занятиями утром у детей следует тщательно соблюдающийся перерыв после обеда. Во второй половине дня проводится большинство практических предметов, спорт, терапия, прогулки в зависимости от необходимости и возможности детей, а перед сном дети

переживают заключительный пункт дня в поучительном часе. Для детей, которые могут что-то понимать, это может быть рассказ, который продолжается на протяжении, например, четырех дней. Он должен доставлять радость и обогащать и питать душу. Детям с ослабленным пониманием предлагается с той же целью музыкальная программа. Так завершается день, дневная работа выполнена, следует завершение рабочего дня, а затем отход ко сну с музыкой и с молитвой.

Акцент недели падает на воскресенье, оно приносит переживание религиозного элемента. В приютах это находит выражение в соответствующем вероисповеданию праздновании воскресенья. Уже в субботу можно дать ребятам почувствовать приближение конца недели прекрасным спектаклем с куклами, эвритмией или театральной пьеской. Различные дни недели не должны быть похожими друг на друга. Понедельник начинают интенсивно, во вторник это продолжается, в среду необходимо дать почувствовать, что что-то уже сделано, в четверг требуется пауза. "В четверг никаких приемных часов", - говорят люди свободных профессий, которые могут это себе позволить. Мы проводим четверг также очень свободно и, например, в Зонненхофе в этот день нет занятий в школе. Дети, которые в институте очень включены в программу, должны иметь больше свободного времени для игр, экскурсий, и может быть когда дети слабее, они должны иметь время для спокойного отдыха. Затем в пятницу можно снова приступить к работе с новыми силами. Ход года имеет свои акценты по временам года в годовых праздниках. Они должны проходить так, чтобы могли интенсивно учить детские человеческие существа с болезненными ограничениями сопереживанию. Это достигается непосредственным вовлечением детей. При праздничном оформлении мы отмечаем и христианские праздники с исполнением театральных пьес, которые повторяются ежегодно. На Рождество проводим оберуферские игры, зародившиеся среди крестьян в Платтензее и которые благодаря простой духовности производят сильное впечатление. По мнению Рудольфа Штайнера они всегда должны исполняться в антропософских центрах. Они натягивают большую цветную дугу от райской игры с настроением гравюры на дереве через сердечно-набожную игру рождения Христа с забавными пастухами к драматической игре трех королей с противопоставлением мудрости Востока злему Ироду. Для других праздников года лечебная педагогика также предлагает множество простых и образных игр.

Через игры достигается особое педагогическое воздействие: если дети с детского сада возраста и в школьное время постоянно снова смотрят эти пьесы, то у них даже при ослабленном восприятии привычные душевные понятия становятся переживанием. Многие приходят сначала к конкретным предметным представлениям, таким как стол, тарелка, дверь и дом. Через образное переживание душевных представлений можно затем несколько приблизиться и к менее наглядным понятиям, как любовь, красота, храбрость, добро и мудрость. Все это с годами запечатлевается и становится жизненным; для образования детей это существенный элемент.

К ритмической организации относится также **обучение по эпохам**. Есть разница в том, как строится школьный курс - следуют ли предметы по часам друг за другом

или в центре внимания находится определенное время один предмет или одна тема. Преимущество последнего случая не только то, что каждым предметом можно интенсивно заниматься определенный период времени. Секрет в том, что после прохождения эпохи теме можно позволить отдохнуть. Она "переваривается" и подсознательно продолжает действовать. Беля после длительного перерыва снова подхватить ее, оказывается, что отношение к ней между тем созрело и теперь можно выйти на более высокий уровень. Обучение по эпохам у здоровых детей - зарекомендовавший себя метод в вальдорфских и штайнеровских школах; в лечебной педагогике он имеет особое значение.

Выше на конкретных примерах мы подчеркнули значение ритма, и все лечение и терапия должны быть подчинены его закономерностям.

Другим лечебным фактором, оказывающим воздействие на все стороны жизни, является **атмосфера** в лечебно-педагогическом заведении. Она имеет свою сокровенную сторону, которую нельзя ни "сделать", ни внести извне. Это не какие-то "особые тайные основания", и не что-то подслащающее деятельность. Она - выражение духа, который живет в институте и в его сотрудниках и сразу проявляется внешне в оформлении помещений, в красках, картинах и прочем. Атмосфера образуется детьми и отражается в них. Это воздействие нельзя недооценивать.

Еще одна важнейшая особенность лежит с **поведении** каждого сотрудника и его убеждениях, что за любым обликом нашего подопечного стоит невредимая духовная индивидуальность. Ему нужно быть большим энтузиастом, а не только иметь возвышенную точку зрения на свою деятельность. Можно было бы предположить, что с широкими антропософскими взглядами лечащие педагоги этого направления будут уделять больше внимания громким, всеобъемлющим представлениям, но не частностям. Оказывается как раз наоборот. В своем курсе Рудольф Штайнер говорит о желательных качествах лечащего педагога и выдвигает на передний план "благоговение к малышу". Благоговение к ребенку в наблюдении и лечении. Нет незначительных деталей. Ногти на пальцах или волосы могут нам многое объяснить. Трехчленное устройство человека находит отражение в каждой части его тела, в ушах, пальцах, коже и тому подобном. К каждой маленькой привычке ребенка, особенностям его произношения, его сну и аппетиту, его выделениям мы должны относиться внимательно. С объяснениями, почему это так, а не иначе, нельзя спешить. Чем больше причин мы сумеем проанализировать для объяснения того или иного феномена, тем отчетливее будет складываться общее представление о состоянии ребенка и зерно существа ребенка проявляться через все отклонения. Так воспитатель в своей деятельности должен проложить дугу от мельчайшего к большему. Важный аспект заложен в этом незыблемом обращении к Я-существу ребенка, как это сформулировал Вернер Пахе.

Чтобы одностороннее мастерство специалистов не отражалось неблагоприятно на терапевтическом организме, в их подготовке в антропософской лечебной педагогике это предупреждают тем что прежде всего начинают с

сопровождающегося практикой основного обучения, и на передний план выдвигается повседневное общение с детьми. Затем следует чисто учебная часть и только потом изучаются специальные направления, когда каждый сам решает, желает ли он больше прилагать свои силы к учебным занятиям, определенной терапии или занятиям искусством.

На общей основе будут поддержаны отдельные сферы деятельности, из которых мы опишем только то, что характерно для антропософского метода. Внешне это то же самое, с чем работают повсюду. Однако характерно не столько то, **что** делают, сколько **как** это происходит.

ОБУЧЕНИЕ

В лечебно-педагогических детских садах могут быть вместе самые разнообразные дети, маленькие и постарше, с ограниченными или более развитыми задатками. В дошкольные годы они учатся играя, путем подражания, что многим дается с трудом. С седьмого года и со сменой зубов они вступают в школьный возраст, даже если из-за своих помех и "отстают", ибо по законам детского развития на них также распространяются педагогические основы для второй семилетки, собственно школьного возраста.

При составлении школьных классов желательно учитывать возраст и возможности обучаться, правда иначе, чем для жизни в одной общине. Истинный возраст важен, потому что при нарушениях в развитии как правило в обычное время происходит смена зубов, наступает половая зрелость, при всех нарушениях созревание организма протекает соответственно возрасту. И нехорошо, если ребенок более старшего возраста обучается с малышом только потому, что кажется похожим умственный уровень, который нам через интеллектуальные частности не очень счастливо предстает на "измерительной шкале" интеллектуального **возраста**. С течением времени в лечебно-педагогическом классе устанавливается своеобразный дух класса, который может быть только среди детей одного возраста. В лечебно-педагогическом образовании используются основы учебного плана вальдорфской школы для здоровых детей, чтобы учитывать возрастные особенности развития. Его приспособляют и видоизменяют не только сокращением учебного материала, но и благодаря большой образности и наглядности, насыщенной чувственным проникновением в содержание и практическими заданиями с привлечением физических упражнений.

Как уже отмечено в самом понятии лечебная педагогика, обучение должно быть терапевтически так пронизано индивидуальным, чтобы не просто упражнять способности и поведение, но самым лучшим образом руководить раскрытием личности, способствовать человеческому формированию каждого ребенка, с его односторонностями, которые нужно учитывать, а не отменить.

Детей обучают, отстранившись от уровня их ответных возможностей и слабой способности выражать свои мысли и чувства. Речь идет не только о том, чтобы они могли в какой-либо удовлетворительной форме воспроизвести что-то или хорошо ответить. Если уже нам бывает трудно в полной мере выразить свои внутренние переживания, ибо мы же не нее поэты, и если здоровые дети выражают свои впечатления далеко несовершенно, то тем более это относится к рассматриваемым здесь детям. Очень часто на нас смотрят удивительно нежные глаза, полные внутренних переживаний, как это свойственно обычному поведению. Поэтому мы должны различать дальше в содержании образования и наполнять его изречениями, которые не только разумны, но и запечатлеваются в душе и перерабатываются. **Практическими занятиями** и телесной ловкостью достигается внутренняя подвижность. Понимание, внутренняя душевная активность и ловкость тесно связаны друг с другом. Обучение вязанию - это лучшая подготовка к обучению счету, через занятия ремеслами постигаются связи между явлениями окружающего мира. Для организации практических занятий нужно совсем немного. Но они должны возникать из собственной воли, а не быть просто тренировкой. Это стремление воспитанника сделать что-то из собственной воли для нас очень важно. Ибо практические занятия нуждаются в более глубоких побуждениях, не только как выполнение отдельных действий.

Стремление сделать все содержание и занятия интересными для души находит выражение в художественном элементе. Все знания и навыки должны быть пронизаны искусством. Мир красок, форм и тонов непосредственно воздействует на наших подопечных. Красоту речи и поэзию легче сделать им понятными, чем красную нить содержания. К музыке у большинства особенно хорошее отношение. Это целый мир, в котором можно жить, когда устаешь от трудных будней. Сегодня всеми *признано*, что занятия искусством - это не просто милое украшение для серьезных уроков, но источник творческих сил. Художественным чувством должны быть пронизаны все предметы. Через художественное переживание и творчество лежит путь к очеловечиванию полезного. Это распространяется на всякий труд в школе.

ТЕРАПИЯ

Пока дети развиваются в школе в коллективе и учатся замечать друг друга, получают радость от общения, проводится и терапия определенных затруднений применительно к каждому конкретному случаю. Иногда возможна организация небольших групп.

Среди развития речи, психотерапии, массажа, гидротерапии, езды верхом и тому подобного особое значение приобретает **эвритмия**. Мы сначала остановимся на значении **общей эвритмии** в лечебной педагогике, которую тоже по праву относят к терапии. Она оказывает гармонизирующее действие, ее можно проводить в группах, в то время как лечебная эвритмия - целенаправленное лечение одного

ребенка. Приведем пример, показывающий различие между общей терапией и целенаправленной.

Об основах эвритмии уже рассказано в одной из брошюр этой серии: "Was ist Eurhythmie" Lea van der Pals.(2) Ее значение для лечебной педагогики очевидно, ибо движение - очень важная исходная точка в лечении. На нем основаны многие терапевтические воздействия, но одушевленное движение, то есть сопровождающееся ощущениями, дает душевному развитию совершенно особые возможности. Все наши дети странные и односторонние в своих движениях, даже если у них и нет параличных явлений; одни слишком подвижны, много прыгают, никак не могут остановиться, часто имеют какие-то повторяющиеся движения, другие же неподвижны и тяжелы на подъем. Ловкость в рукоделии и в работе в мастерских избавляет от бесцельных движений, в гимнастике и на турнике развиваются необходимые для жизни движения. Но человеческое движение - это не просто целенаправленное движение. Оно - **выражение** души и личности. В жестах, походке, мимике проявляется своеобразие. И наоборот, через движение происходит развитие личности от общего детского состояния к своему особому образу. - Язык, музыка и ритмы - это движения более высокого уровня. Они имеют общие духовные источники. В эвритмии мы находим звуки, тона и ритмы, которые выражаются движением тела и воспринимаются чувственно. Это способствует избавлению наших детей от пристрастий.

В лечебной терапии подчеркиваются определенные звуки или ритмы и целенаправленно используются для того, чтобы противодействовать односторонности в развитии и оказать влияние на организм вплоть до обмена веществ через движение, кровообращение и душевную реакцию. Все это требует наблюдения со стороны врача, должно быть предписано врачом и проводиться специалистом по лечебной эвритмии.

Мы можем здесь только указать, что может быть организовано лечение словом как особое искусство на основе речевых упражнений, что разработаны разные методы для массажа и применения теплых лечебных ванн со специальным маслом.

Лечение медикаментами тоже играет важную роль. С помощью преимущественно потенцированных средств можно постоянно проводить лечение тяжелых психотических и эпилептических заболеваний. В использовании медицинских средств ориентирует другая брошюра этой серии: "Erweiterung der Heilkunst - Rudolf Steiner und die Medizin" von Dr. Walter Holtzapfel"(3).

СОВМЕСТНАЯ ЖИЗНЬ В ГРУППАХ

Последний, но очень важный вопрос, на котором мы хотели бы остановиться - жизнь детей в приютах, в общинах. Там выполняются те же работы, что и в родительском доме, они не упрощаются, что создает хорошие возможности для

использования приемов лечебной педагогики. В дневных школах нужно следить, чтобы по-другому достигать того, что в приюте действует в группах и переходит в отдельные классы.

По сравнению со школьными классами в группах мы видим разных детей. Постарше и помладше, более слабые и более способные, по возможности мальчики и девочки должны жить вместе. Это место для объединения, здесь организована жизнь друг для друга и друг с другом. Хорошо, если бы приюты не были настолько специализированы, чтобы в них жили только нуждающиеся в определенном лечении. Различные расстройства могут уравниваться друг другом. Атмосфера в группе должна быть полной жизни. Больше всего выгадывают от такого возбуждающего окружения слабые дети, которые не уверены в себе. Трудно и педагогически непродуктивно собирать в одну группу неразговорчивых, молчаливых или только "монголоидных" детей. Но также и дети с более богатыми возможностями развития, но с односторонними затруднениями выигрывают от совместной жизни с более слабыми. Так, бывают талантливые нарушители спокойствия, которые могут заразить других детей (а также и воспитателей) своей хитростью. Но положите такого ребенка в комнате рядом со слабыми, которые даже не заметят, что их хотят рассердить, и агрессия затухает как эхо, да и у такого нарушителя покоя очень часто проявляются альтруистские черты, и мы всегда снова видим, что БОТ он уже сидит, готовый помочь своему соседу.

Способность к социальной жизни и осознание повседневных обязанностей как главная цель наших устремлений сильнее всего развиваются в совместном бытии. Для многих детей еда, одевание, умывание и прочее - работа, которой нужно обучать годами. Основные лечебно-педагогические трудности для детей с сильными расстройствами переходят в группу. Группа - место для **ухода** за телесностью как предпосылкой душевного самочувствия. В ней живет материнство.

В этом есть что-то особенное, если приходится сутками быть возле ребенка, переживать, как он засыпает и просыпается и быть с ним связанным совершенно интимно. Это приносит чувство удовлетворения от работы, которая связана с многими хлопотами, часто с тем, чтобы посадить на горшок, переодеть и накормить.

ЛЕЧЕБНАЯ ПЕДАГОГИКА И ОБЩЕСТВЕННОСТЬ

Интимная связь с детьми не является причиной изоляции приютов от мира. Они должны по возможности быть открытыми и позволять детям вступать в контакт с окружающим миром. Наши дети, а после детства наши взрослые, нуждающиеся в уходе за душой, не хотят жить в гетто. Они сами всегда готовы поддерживать разнообразные контакты. Препятствия к этому создаются прежде всего окружающими. Основная причина лежит не столько в нежелании, сколько в

неуверенности и неловкости по отношению к непривычным проявлениям при общении. Поэтому очень важно, чтобы мы заинтересовали общественность своими проблемами и разрушили сложившиеся предрассудки. Наши воспитанники - полноправные члены нашего общества. Это хорошо должны понять здоровые дети, только не следует от них требовать слишком тесного общения. Для детей сотрудников в приюте общество воспитанников - это что-то само собой разумеющееся, и они охотно помогают во всем. Но играют прежде всего с теми, которые могут в игре вести себя разумно.

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕРАПИЯ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ. СОЦИАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО В ИНСТИТУТАХ

Так как большинство наших детей позднее не в состоянии без помощи направлять свою жизнь, были созданы для молодежи и взрослых защищающие учреждения с условиями для работы и разных занятий. Так же, как они жили в семьях, они продолжают здесь выполнять ежедневные обязанности. Очень многие из них остаются в институте всю жизнь. Для них нужно создать действительно хорошие условия жизни, которые не носили бы характера официального заведения. Так на основе антропософии возник еще один самостоятельный круг задач, который будет развиваться дальше как **социальная терапия**. Признание индивидуальности наших подопечных, несмотря на их ограниченную самостоятельность и ответственность, требует таких общественных форм в организации совместной жизни, в которых бы не было больше отношений опекуна и опекаемого. Проще всего это можно построить в маленьких заведениях семейного типа или в институтах с маленькими группами. Среди других усилий выделим здесь **идею деревни**, которая возникла в результате кемпиль-движения. В многообразии деревенской общины достаточно простора и поэтому возникают различные занятия, обязанности и с другой стороны возможности естественной взаимопомощи, и можно продолжительное время вести подвижную жизнь. В таких условиях социальная организация может развиваться очень успешно.

Социально-здоровые формы совместной жизни и совместного труда с самого начала стали основой лечебно-педагогических приютов и школ и практикуются по настоящее время. В антропософии тоже живут эти идеи социального устройства в будущем, основные положения которых были даны Рудольфом Штайнером в книге "**Трехчленность социального организма**". Мы еще очень далеки от осуществления этих идей, но их начала живут во всех основанных на антропософии заведениях, в школах и клиниках, в сельском хозяйстве и в предпринимательстве и тому подобном. В лечебно-педагогических и социально-терапевтических учреждениях они получили особенно плодотворную почву, встретившись с желаниями, ибо совместные жизнь, кров и стол создают мощные предпосылки и люди показывают пример друг другу. Сотрудники ощущают себя не просто служащими, но созидателями, отдающими свои личные устремления на благо общины.

ВЫВОДЫ

Наше описание лечебно-педагогических воззрений, основанных на антропософии, ставило своей целью показать, что речь не идет о закрытой системе или готовом методе. Не должно возникнуть и впечатления, что все вопросы уже решены и "яйцо Колумба" найдено. Решение одних вопросов сразу же ставит другие, более глубокие. Побуждения, которые мы получаем, тогда становятся плодотворными, когда мы самостоятельно их прирабатываем. Их лечебно-педагогическое применение не подается как установленная раз и навсегда последовательность. Нет готовых рецептов, поэтому каждый лечебный педагог в каком-то смысле значительная личность. Ему как терапевту нужно изыскать все возможности и найти созидательную идею. Решающим становится, нашел ли он оригинальное, именно для этого конкретного ребенка лечебное средство. Нет запаса антропософских указаний, повсюду живет творческая деятельность, и пусть даже она не очень значительна, но антропософия может обогатить творческую силу. Но то, что уже сделано и устоялось, в этой области как нигде оказывается скучным и недостаточным. Этикетка "антропософский" на лечебно-педагогическом заведении - это еще не гарантийное свидетельство. Но как правило этим нелегким путем идут люди, которые к этому действительно с пониманием стремятся. Они должны идти этим путем не с каким-то чувством внутренней борьбы, но с воодушевлением воспринимая суть и с чувством юмора трудности.

Наше время считается временем изобретений и открытий. С воодушевлением и большими жертвами исследуется мир. Однако наши изобретения уже достигли угрожающего состояния, именно потому, что без внимания остается человек. Мы хотим очеловечить наши жизненные взаимосвязи. С помощью духовной науки мы вступаем на путь познания человека. Областью, полной тайн, открываются при этом наши дети и взрослые, нуждающиеся в уходе за душой. Они не ищут нашей милостыни, приспособления к нашей системе ценностей. Они ждут от нас понимания их существа через их первостепенные потребности. Мы и себя можем понять на этих особых душевных проявлениях плодотворнее, чем из сопоставления с животными либо при изучении поведения с естественно-научных позиций. И среди причин, приводящих сегодня многих молодых людей к профессии лечащего педагога - поиск человека.

Примечания

1 Разработки в лечебно-педагогическом курсе можно найти в книгах д-ра Вальтера Хольтцапфеля "Дети нуждающиеся в душевном уходе", т. 1 и 2.

2 "Что такое эвритмия?" Лео ван дер Пальса планируется к изданию на русском языке.

3 "Распространение искусства лечения - Рудольф Штайнер и медицина", д-р Вальтер Хольтцапфель.